

НОВЫЯ СОБЫТІЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Пондидиому, непродолжительное „затишье“, которое отдало послѣднее полгода или три четверти года нашего революціоннаго движенія — по сравнению съ предшествующимъ быстрымъ и бурнымъ развитіемъ его, — начинается приходить къ концу. Какъ ни кратко было это „затишье“, какъ ни очевидно было для всякаго внимательнаго и сѣтующаго наблюдателя, что отсутствіе (на такое небольшое время) открытій проявленій массового возмущенія рабочихъ не означаетъ нисколько прекращенія роста этого возмущенія и въглубу и въширь, тѣмъ не менѣе среди нашей интеллигенціи, настроенной революціонно, но не имѣющей заступни въ прочной связи съ рабочимъ классомъ, ни крѣпкихъ, устойчивыхъ опредѣленныхъ социалистическихъ убѣжденій, стали раздаваться многочисленные голоса унынія и невѣрія въ массовое рабочее движеніе, съ одной стороны, а съ другой — голоса въ пользу повторенія старой тактики отдѣльныхъ политическихъ убійствъ, какъ необходимаго и обязательнаго въ настоящее время приема политической борьбы. За тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые прошли со времени демонстрацій прошлаго года, у насъ успѣла уже образоваться „партия „соц.-революціонеровъ“, громко заговорила объ обескураживающемъ впечатлѣніи демонстрацій, о томъ, что „народъ, увы, еще не скоро“, что о вооруженіи массы легко, конечно, говорить и писать, а теперь надо вѣрять за „индивидуальный отпоръ“, не отговариваясь отъ настоятельной необходимости единоличнаго террора избитыми ссылками насъ на ту же, одну и ту же (скучную) „неинтересную“ для интеллигенціи, свободной отъ „догматической“ вѣры въ рабочее движеніе!) задачу агитаціи среди массы пролетариата и организациіи массового натиска.

Но вотъ вспыхиваетъ въ Ростовѣ-на-Дону одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и „будничныхъ“, на первый взглядъ, стачекъ и приводитъ къ событіямъ, которыя показываютъ воочию всю неадекватность и весь вредъ предпринятой соц.-революціонерами попытки реставрировать народолюбивчество со всѣми его теоретическими и тактическими ошибками. Охвативъ многія тысячи рабочихъ, стачка, начатая изъ-за требований чисто-экономическаго характера, быстро вырастаетъ въ политическое событіе, несмотря на крайне недостаточное участіе въ ней организованныхъ революціонныхъ силъ. Толпы народа, доходящія, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ участниковъ, до 20-30 тыс. чел., устраиваютъ поражающую своей серьезностью и организованностью политическія собранія, на которыхъ читаются и комментируются съ жаждою соц.-демократическія прокламаціи, говорятъ политическія рѣчи, разъясняютъ самымъ случайнымъ и неподготовленнымъ представителямъ трудящагося народа лабучныя истины социализма и политической борьбы, преподносятъ практическія и „предметныя“ уроки обращенія съ солдатами и обращенія къ солдатамъ. Администрация и полиція теряютъ голову (могутъ быть, отчасти вследствие неадекватности вѣска?) и оказываются не въ силахъ помѣшеть устойчивости въ теченіе нѣсколькихъ дней невиданныхъ на Руси массовыхъ политическихъ сходокъ, подолъ открытыхъ соборъ. И когда, наконецъ, пускается въ ходъ военная сила, толпа оказывается съ отчаяннымъ отпоромъ, и убійство товарища служитъ поводомъ для политической демонстраціи на другой день надъ его гробомъ... Впрочемъ, соц.-рѣдъ представляется, вѣроятно, въ этомъ случаѣ, и съ ихъ точки зрѣнія, было бы, должно быть, „цѣлесообразнѣе“, если бы шестеро убитыхъ въ Ростовѣ товарищей отдали свою жизнь на покушеніе противъ тѣхъ или иныхъ политическихъ изверговъ?

Мы же думаемъ, что только такая массовая движени, связанная съ наглядно выходящимъ переломъ въ ростъ политическаго сознанія и революціонной активности рабочаго класса заслуживаетъ названія дѣйствительнаго революціоннаго акта, и способны внушить дѣйствительное ободреніе тѣмъ, кто борется за русскую революцію. Мы видимъ тутъ не пресловутый „индивидуальный отпоръ“, связь котораго съ массами состоитъ только въ словесныхъ заявленіяхъ въ напечатанныхъ приговорахъ и т. п. Мы видимъ дѣйствительный отпоръ толпы, и неорганизованности, неадекватности, стихійности этого отпора напоминающаго, какъ неумоимо непреклонныя свои революціонныя силы, какъ преступно пренебрегать задачей вѣнчать вѣтъ въ эту, настоящимъ образомъ борющуюся у насъ на глазахъ толпу, болѣе и болѣе организованности и подготовленности. Не создавая посредствомъ выстрѣловъ поводъ для возбужденія, матеріалъ для агитаціи и для политическаго мышленія, а научаясь обрабатывать, использовать, брать въ свои руки тотъ матеріалъ, котораго слишкомъ достаточно даетъ русская жизнь. Вотъ задача, единственно достойная революціонера. Соц.-рѣ не могутъ нахвалиться тѣмъ, какъ велико „агитирующее“ дѣйствіе политическихъ убійствъ, о которыхъ шумукаютъ такъ много и въ либеральныхъ гостиницахъ и въ протонародныхъ кабакахъ. Для нихъ ничто не стоитъ (благо, они свободны отъ всякихъ уахъ догмъ сколько-нибудь опредѣленной социалистической теоріи) замѣнить (или хотъ бы даже дополнить) политическое воспитаніе пролетариата произнесеньемъ политической сенсациі. Мы же считаемъ способными имѣть дѣйствительно и серьезно „агитирующее“ (возбуждающее) и не только возбуждающее, но и (то гораздо болѣе важно) воспитывающее дѣйствіе только событія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является сама масса, которая порождается ею на строеніемъ, а не инспирируется „съ спеціальной цѣлью“ той или иной организаціей. Мы думаемъ, что цѣлой сотнѣ парубковъ не произнеси нигдѣ такого возбуждающаго и воспитывающаго дѣйствія, какъ это одно убожественное тысячъ рабочаго народа въ собраніяхъ, обступившихъ ихъ насущные интересы и связь политики съ этими интересами, — какъ это участіе въ борьбѣ, дѣйствительно под-

нимающей новые и новые „непочатые“ широкі пролетариата къ болѣе сознательной жизни, къ болѣе широкой революціонной борьбѣ. Намъ говорятъ о дезорганизаціи правительственна (вынужденнаго снѣжать господа Силкинскихъ господами Плевне и „подбодиратъ“ себѣ на службу самыхъ гнусныхъ проходимцевъ), а мы убѣждены, что отдавая одного революціонера хотя бы за десять проходимцевъ значить дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и безъ того рѣдки, такъ рѣдки, что не поспѣваютъ за всей работой, „справливающимъ“ отъ нихъ рабочими. Мы думаемъ, что настоящей дезорганизаціей правительства являются такіе и только такіе случаи, когда дѣйствительно организуемая самой борьбой широкая масса заставляетъ правительство растеряться, когда законность требованій передовыхъ людей рабочаго класса выясняется уличной толпѣ и начинается даже выясняться части войска, призываемаго для „усмиренья“, когда возмущеніемъ дѣйствіемъ противъ десятковъ тысячъ народа предшествуетъ колебаніе властей, не имѣющихъ никакой реальной возможности опредѣлить, до чего доведутъ эти военныя дѣйствія, — когда въ убитыхъ на полѣ гражданской войны толпы видны и чувствуются своихъ товарищей, своихъ соотеченъ и накоплетъ въ себѣ новый запасъ ненависти и желаніе болѣе рѣшительной схватки съ врагомъ. И не отдаленный проходимецъ, а весь современный строй выступаетъ уже здѣсь врагомъ народа, противъ котораго ополчаются ибѣтныя и петербургскія ибѣтныя, казаки и войско, не говоря о жандармахъ и судахъ, дополняющихъ и завершающихъ, какъ всегда, всякаго народнаго возстанія.

Да, возстанія. Какъ ни далеко было отъ „настоящаго“ возстанія начало этого, пондидиому, стачечнаго движенія въ далекомъ провинціальномъ городѣ, а его продолженіе и его финалъ, невольно навязывая на мысль именно о возстаніи. Общественное поведѣніе къ стачкѣ, мелкій характеръ выставленныхъ рабочими требованій особенно сильно отбѣиваютъ и могучую силу солидарности пролетариата, увидѣвшаго сразу, что борьба желѣзнодорожныхъ рабочихъ есть его общее дѣло, и воспринимавшего его къ политическимъ идеямъ, къ политической пропагандѣ, и оговорокъ отстранять глупую въ прямомъ граженіи съ войсками тѣ права на свободную жизнь, свободное развитіе, которыя успѣли уже стать общими и элементарными достояніемъ всѣхъ мыслящихъ рабочихъ. И тысячу разъ правъ былъ Донской Комитетъ, который въ прокламаціи, цѣлкомъ воспроизведенной нами ниже, говорилъ „дѣлать гражданамъ“ о ростовской стачкѣ, какъ общему или притупленъ къ общему подлему русскихъ рабочихъ съ требованіемъ политической свободы. На событіяхъ такого рода мы дѣйствительно наблюдаемъ воочию, какъ всенародное вооруженное возстаніе противъ самодержавнаго правительства собирается не только какъ идея въ умахъ и программахъ революціонеровъ, но также и какъ неаппетитный, практический естественный, слѣдующій шагъ самого движенія, какъ результатъ растущаго возмущенія, растущаго ошита, растущей свѣдѣности массы, получающихъ, такъ цѣнные уроки, такое неслыханное воспитаніе отъ русской дѣятельности.

Неизбѣжный и естественный шагъ, сказалъ я и синушу оговориться: если только мы не позволимъ себѣ ни на шагъ уклониться отъ навязывающаго на насъ, написаннаго надъ нами помочь этимъ поднимавшимся уже массамъ подняться събѣжъ и дружицъ, дай имъ не двухъ, а десятка тысячъ ораторовъ и руководителей, создать на стоическую боевую организацію, способную направлять массы, а не такъ называемую „боевую организацію“, которая на правитъ (если направляются) неумолимыми личностями. Трудна эта задача, что и говорить, но мы съ полнымъ правомъ можемъ выдвинуть, такъ часто и такъ неудачно приписывали въ послѣднее время слова Маркса и скажутъ: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе движенья“ индивидуальныхъ покушеній и отпоровъ, важнѣе сотни толпо-интеллигентскихъ организацій и партій“.

Наряду съ ростовской битвой выдвигаются на первый планъ изъ политическихъ фактовъ послѣдняго времени каторжные приговоры надъ демонстрантами. Правительство рѣшило заигнать всѣхъ, начиная отъ розги и кончая каторгой. И какой замѣчательный отвѣтъ дали ему раскаты, рѣчи которыхъ на судѣ мы припомнимъ ниже, какъ поучительныя это отвѣты для всѣхъ тѣхъ, кто особенно шумѣлъ по поводу обескураживающаго дѣйствія демонстрацій не въ цѣлѣхъ поощренія къ дѣятельной работѣ на томъ же пути, а въ цѣлѣхъ пропаганды пресловутаго индивидуальнаго отпора? Эти рѣчи, пренебрежительно отъ самихъ глубинъ пролетариата исходящія коммунікаціи къ событіямъ протѣ ростовскихъ и, въкѣтъ съ тѣмъ, замѣчательное заявленіе („публичное озаглавленіе“, сказалъ бы я, еслибы это не было специфическій полицейскій терминъ), вносящее бездушно бодрости въ длину и трудную работу надъ дѣйствительными шагами движенія. Замѣчательно въ этихъ рѣчахъ простое, дополненное-точное изображеніе того, какъ совершается переходъ отъ самыхъ повсемѣстныхъ, десятками и сотнями милліоновъ повторяющихся фактовъ „униженія, нищеты, рабства, униженія, эксплуатациі“ рабочихъ въ современную обществѣ къ пробужденію ихъ сознанія, къ росту ихъ „возмущенія“, къ революціонному проявленію этого возмущенія (я поставилъ въ кавычки тѣ выраженія, которыя мнѣ пришлось употребить для характеристичности рѣчей нижегородскихъ рабочихъ, ибо это — тѣ самыя знаменитыя слова Маркса изъ послѣднихъ страницъ перваго тома „Капитала“, которыя вызвали со стороны „критиковъ“, оппортунистовъ, ревизионистовъ и т. п. столько шумныхъ и неудачныхъ попытокъ опроверженія и изобличенія соц.-демъ въ томъ, что они говорятъ неправду). Именно потому, что говорили эти рѣчи простые рабочие, вовсе не передовые по степени ихъ развитія, говорили даже не въ качествѣ членовъ какой-либо организаціи, а въ качествѣ людей толпы, именно потому, что наирали

они не на ихъ личная убѣжденія, а на факты изъ жизни каждаго пролетарія или полупролетарія въ Россіи — такое ободрющее впечатлѣніе произвело ихъ выдѣлы: „вотъ почему мы сознательно шли на демонстрацію противъ самодержавнаго правительства“. Общественность и „массовость“ тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ они дѣлали этотъ выводъ, ругается за то, что къ этому выводу могутъ прийти и не-нѣзбѣжно придутъ тысячи, десятки и сотни тысячъ, если мы съумѣемъ продолжать, расширить и укрѣпить систематическое, принципиально-выдержанное и всестороннее революціонное (социалдемократическое) воспитаніе на нихъ. Мы готовы идти на каторгу за борьбу противъ политическаго и экономическаго рабства, разъ мы почувствовали дупленіе свободы, — говорили четверо нижегородскихъ рабочихъ. Мы готовы идти на смерть — какъ бы вторили имъ тысячи въ Ростовѣ, отвоюя себѣ на нѣскольکو дней свободу политическихъ сходокъ, отбивая цѣлымъ рядъ военныхъ атакъ на безоружную толпу.

Синъ побѣдиши — остается намъ сказать по адресу тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать.

ЗАКОННАЯ ОПОЗИЦІЯ БЕЗЗАКОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Иностранная газета сообщаетъ, что фон-Плевне надѣла широкая благопожеланія уездныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и они предложили губернаторамъ обязать заправщиковъ земскую мысль и не позволить губернскимъ комитетамъ выходить за пределы „... сравнительной оцѣнки методовъ удобрения. Въ такомъ „цѣль“, брошенномъ съ высоты министерскаго трона, нѣтъ ничего неслыханнаго. Предполагается, что комитеты оправдаютъ „драгоцѣнное довѣріе, изъ съ высоты престола оказанное“. Комитеты не „оправдали“. Имъ предложено замолчать. Все послѣдовательно.

Въ сущности, съ первыхъ же засѣданій уездныхъ комитетовъ стало ясно, что, вмѣсто „оправданія довѣрія“, проявляетъ судъ именно надъ политикою бюрократическаго абсолютизма. Но — такъ какъ одна изъ немаловажныхъ задачъ политической жизни — подступивъ оказался въ роли предателя, который выпалъ изъ засѣданія суда въ самый моментъ. Конечно, подступивъ воспользовался своимъ правомъ.

Крайне поучительно отношеніе къ комитетамъ тѣхъ газетъ, которыя отражаютъ „вазды“, заключающееся въ министерскихъ канцеляріяхъ. „Гражданинъ“ объявляетъ комитетъ „оказаніемъ оппозиціонной болтовни“. „Моск. Вѣд.“, съ годами не теряющія остроты зора, нашли среди комитетовъ лишь немногихъ праведниковъ, которые не ввернулись въ „дѣбри“ либеральности и либерализма. Но комитетъ наивнѣе „завѣдывающаго“ изволила въ лицѣ старшаго гетеры русской журналистики, А. С. Суворина. Правда, и „Новое Время“ признало, что большинство комитетовъ можно упрекнуть въ „нѣкоторой горячности охватить слишкомъ широко каждый вопросъ“. Но — оппозиція? Неужели спрашивать почтенная рептилія, — гдѣ? и кому? Просто „мѣстные дѣятели работаютъ потому, что имъ это поручено“. А оппозиціи? Имъ дѣлать не поручено, значить, о ней не можетъ быть и речи. Конечно, не обходилось безъ „болтовни“. Были и безтактности, вродѣ „неисполнителя приказовъ, указанными (Обществу Свѣтъ“). Было и либеральное и самохвальство. Но „въ громадномъ большинствѣ случаевъ на болтовню такихъ дѣятелей никто не обращаетъ вниманія“. „Съ какою замѣчательной деликатностью и съ какими политическими тактомъ, умиляетъ газета, обезбѣженъ, напр., вопросъ въ предательствѣ сообщанія председателю земскихъ управъ Моск. губ. Все, что могло подействовать на „вазды“ и „вазды“, въ упрѣкъ. Или же замѣчательно домогаются отъ Общ. Свѣтъ, тогда было извѣстно, какъ резолюціи (курсивъ нашъ). Делательны, почтенныя, явные вещи! „Добрая, синисторическая рептилія!“

Точка зрѣнія „Нов. Вр.“, берущую подъ свою оуку земскихъ, унѣмѣвшихъ Меершкисъ и Грингмушъ, можетъ быть формулирована такъ: Не бѣда, господа, что либеральный меньшъ поираетъ, это онъ отъ избытка преданности. Если онъ при этомъ слегка сморщитъ, то и это „до порученія“. Или же замѣчательно замѣчательно, время отъ времени политическій мѣшочекъ. Ослѣпленъ нечего: вѣдь мы прекрасно знаемъ, что поступкомъ отсюда никакъ не произойдетъ.

Мы не утирируемъ. Въ № 9540 термомъ по блыму вычлѣтано: чѣмъ больше шансовъ, что такъ или иначе работа будетъ оставлена безъ вниманія петербургскими канцеляріями, тѣмъ болѣе чести труженикамъ, которые не страшатся подобной перспективы, а дѣлаютъ свое дѣло. И тутъ же мысль, съ восхитительной полнотой, переключеніемъ изъ самодовольствъ наглости, высказываетъ значительная часть нашей провинціальной либеральной прессы.

Такимъ образомъ, предполагается, что сами земцы анализируютъ въ полной практической безрезультатности ихъ дебатовъ и резолюцій, но „не страшатся подобной перспективы“, съ достоинствомъ управляютъ въ самодовольствѣ гражданской гимнастикѣ. Такъ-ли это, милостивые государи? Мы хотѣли бы вѣрять, что они, эти, милостивые государи, земской оппозиціи, не позволяютъ себѣ убаюкать тѣмъ изъблѣтаннымъ либеральнымъ публицистическимъ легальности, которыя награждаютъ ихъ аттестатами гражданской ардуности въ угнѣненіи ихъ бесиле... Мы хотѣли бы надѣяться, что они служатъ потребовать у „петербургскихъ канцелярій“ вниманія и уваженія къ своему оппозиціонному голоду.

Мы хотѣли бы замѣтить, что они старались смѣяться въ коммѣ, они наирали свои неадекватныя желанія въ мушкетѣ полнѣйшей детализаціи, они придавали своимъ конституціоннымъ требованіямъ абстрактную до безразсудности форму, — и они достигли того, что „Нов. Время“ не замѣчаетъ въ ихъ „опозиціонныхъ“ резолюціяхъ ничего, кромѣ похальной ипродерзости. Что, если фон-Плевне и Г. Нитте тоже „не заставляютъ“ ихъ замаскированной оппозиціи? Надулись ли они въ себѣ „мѣстные дѣятели“, переключеніемъ изъ самодовольствъ наглости, высказываетъ значительная часть нашей провинціальной либеральной прессы.

Какой тактики они намерены держаться въ губернскихъ комитетамъ? Будутъ-ли они покорно вѣти на вожаковъ у гг. губернаторовъ? Простится — не въ первый и не въ послѣдній разъ — съ „бесмысленными мечтаніями“ и притиснутъ за тѣмъ же „вазды“ политическій мѣшочекъ. Или же замѣчательно замѣчательно, время отъ времени политическій мѣшочекъ. Ослѣпленъ нечего: вѣдь мы прекрасно знаемъ, что поступкомъ отсюда никакъ не произойдетъ.

Или они, наконецъ, почувствуютъ себя въ первый разъ граж-

[illegible]

НИЖЕГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ НА СУДѢ.

Перепечатываемъ рѣчи нижегородскихъ рабочихъ съ литографированнаго листка, изданнаго Нижегородскимъ Комитетомъ Россійской Соц. Демократической Рабочей Партіи. Прибавляя что-либо къ этимъ рѣчамъ, значитъ лишь ослабить впечатлѣніе, производимое этими беззащитными разсказами о быдлѣ рабочихъ и о ростѣ среди нихъ возмущенія и готовности къ борьбѣ. Намъ долсъ теперь приложить всѣ усилія, чтобы эти рѣчи были прочтены десятками тысячъ русскихъ рабочихъ. Пріобрѣть Заломова, Быкова, Самылкина, Михайлова и ихъ товарищей, героически поддерживавшихъ на судѣ боевой кличъ: „Долой самодержавіе!“, воодушевить весь рабочий классъ России для такой же героической, рѣшительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклоннаго рабочаго движенія къ свѣтлому социалистическому будущему.

25 ноября 1902 года.

РЕДАКЦІЯ „ИСКРЫ“.

**Рѣчи обвиняемыхъ за участіе въ демонстраціяхъ
1 и 5 мая, произнесенныя передъ судомъ Московской Судебной
Палаты 28-31 октября 1902 года.**

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправе участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выразить протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богатѣевъ, не даютъ рабочимъ возможности улучшить условия своей жизни. А условия эти настолько не нормальны, что рабочіе принуждены во что-бы то ни стало бороться съ притѣсненіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, навѣшенную на трудящуюся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Воспитаніи и самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здоровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. И видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я позволилъ имѣть такое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго сѣла и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни. — всѣ этотъ злокачественный кругъ, изъ котораго я не вижу выхода, приводила меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубійствѣ, какъ о единственномъ возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящихся классовъ которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, вывелись изъ положенія, одинаковаго съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы, дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. И видѣлъ, что тяжелая будеть борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безразличіемъ мрачныхъ нежестовъ, въ которыхъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много бѣдетъ, жереть съ нашей стороны. Но каковъ человекъ, у котораго не встанетъ въ груди камень, вмѣсто сердца, котораго не удовлетворитъ ничто животная жизнь, а дѣло своего народа не отаждъ свободы, жизни и личнаго счастья. Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочий единичными усилиями не въ состояніи добиться нормальныхъ условий жизни, эксплуатация принуждаетъ его довольствоваться положеніемъ вѣчнаго животнаго. Многие думаютъ, что, благодаря задымленнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи зарабатывать больше. Дѣйствительно, рабочий можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержатъ на вѣчной высотѣ заработка, возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большіе заработки, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведутъ къ самымъ расцѣпкамъ, сбавляютъ же расцѣпки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задымленному платѣ и сбавкамъ расцѣпокъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, свѣрнувъ общій дневной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ зарабатывать брѣтца, необходима хотя бы для своей жизни. Также точно не можетъ рабочий единичными усилиями поднять уровень расцѣпокъ и заработка до высотъ, необходимыхъ для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ прогрессіоніе. Рабочіе всѣми силами стараются жить въ народнаго массы. Народная библіотека могутъ доказать, насколько сильно жаждутъ знаній средѣ рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, не смотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочіе не удовлетворяются грязными, засаженными тринки, замѣняющими имъ одежду. На сколько сильно у рабочихъ желание причиною одѣться, видно изъ того, что многие отказываютъ себя даже въ лишніе ради личнаго платя. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе и въ комнатахъ не удовлетворяющимся емоимъ причитаніямъ и въ комнатахъ не удовлетворяющимся емоимъ причитаніямъ требованіямъ гигиены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше

восстанавливаютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условияхъ жизни, и не видятъ этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманности предпринимателей рассчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ не какъ на человека, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успешной эксплуатации труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержатъ на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты. Напр., союзъ сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой же цѣли предприниматели добиваются и запретительныхъ пошланъ на ввозимые въ Россію болѣе добросовѣстные и дешевые иностранные товары. Отъ болѣе добросовѣстныхъ отъ эксплуатации, не можетъ оказать предпринимателямъ большого сопротивленія, чѣмъ искусственная давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочий не можетъ не соглашаться на условия труда, предлагаемые предпринимателямъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благоприятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателямъ, которому отъ временной простоя производства не грозитъ голода, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣмъ въ одинъ братскій союзъ. Но и этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшающій предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатации, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условий жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовывать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ и совѣтахъ, нужныхъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея законопленія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправе добиваться за свой трудъ лучшихъ условий жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, и рѣшивъ принять въ ней участіе и сдѣлавъ знамена съ надписями „Да здравствуетъ социаль-демократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочий день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе!“ на третьемъ, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не вышло, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣли революціонныя пѣснь. Я знаю, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность такъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагѣ. Но надежда на то, что, жертвуя собой, причислю къ микрокосмическую пользу своимъ братьямъ, даетъ болѣе высокое удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Лучшее несчастье, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народовъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочихъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотритъ на злоупотребленія и на явное нарушение законовъ со стороны предпринимателей. Слѣд., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей тяжелой работой общество отъ вѣншихъ враговъ, всѣ свои силы отдавая государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обирать человека, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. И видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свобо-

дой, дальнейшее культурное развитие русского народа невозможно. Что рабочие в борьбе с предпринимателями на каждом шагу наталкиваются на их союзников в лице самодержавных порядков. Что самодержавие является врагом русского народа. И вот почему я написал на своем знамени: Долой самодержавие и да здравствует политическая свобода!

Речь сормовского раб. Алексѣя Быкова.

Я не признаю себя виновным, но вышел на Большую дорогу, где была демонстрация, сознательно, присоединился и заявил свои требования. Отец мой всю жизнь провел в весьма бедном положении. Наст было четыре сына, отъ наст не мог даже воспитать, а не только дать нам какое-нибудь маленькое образование. Когда отец отдал меня работать, то я увидел со стороны заводской администрации одна только притеснения. Не только заставляли цехов, а даже нижние чины, которым я был отдавать работу, все меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не в состоянии был выполнять. Потребства, которая касалась моих душевных сил, я никогда не мог удовлетворить. Я видел массу притеснений со стороны заводской администрации, которая касалась нашего материального положения, существования нашей жизни. Работать я на четырех заводах и ни на одном заводе не было честных правил и честных людей со стороны администрации и везд только обманчиво расписки и стараются только оштрафовать, да лишней частью заставить проработать — это не так слаще для хозяина. Я работал под управлением Николая Девядашча Мануилова. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ просить повышения расцѣнокъ и поденного жалованья, но онъ не обращалъ на всѣ наши просьбы никакого вниманія, отъ началъ всегда грознымъ голосомъ и говорилъ, что если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю въ полицію или расчитаютъ. И я сталъ опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться безъ куска хлѣба. Послѣ этого я проработалъ два мѣсяца. Этихъ не одинъ былъ обиженный, а всѣ и каждый. Собрались рабочіе и пошли къ контролѣ просить повышения заработка. Забѣзующій обратился къ намъ и сказалъ: если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиціи, что вы бунтуете, и васъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. А рабочіе сказали, что мы не бунтуемъ, а просимъ свое, которое добывается нашимъ потомъ и кровью. Если вы не будете работать, то я приведу полицію. Они побоялись и стали работать. А того человѣка, какъ Быкова, я отправляю къ мѣстному приставу, откуда будетъ онъ отправленъ въ первый тюремный корпусъ. Когда я обратился къ нему и сталъ просить, то онъ за это меня постановилъ на тяжелую работу и на маленькое жалованье. Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дожидаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три анamana, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и „Восьмичасовой рабочій день!“, я присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Речь сормовского рабочего Самылина.

Въ 1896 г. я работалъ на заводѣ Курбатова. Здѣсь изъ молодежи образовался кружокъ, имѣющій цѣлью самообразование, и носилъ чисто экономическій характеръ. Нашъ кружокъ кто-то выдалъ и меня посадили въ тюрьму. Пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, семья моя страшно бедствовала... дойдя до стѣны нищеты. Я былъ старшимъ въ семьѣ, оставшейся безъ отца, состоявшей изъ пяти человѣкъ, и всѣ средства къ существованію добывалъ только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что можетъ заработать женщина на поденной работѣ? Жалкій грошъ. И вотъ за то, что я участвовалъ въ экономическомъ кружкѣ, меня продержали 15 мѣс. въ тюрьмѣ и выслали изъ Нижняго въ мѣсто приписки на годъ, вырвавши меня на улицѣ незнакомаго мѣста, гдѣ я, лишенный работы, ходилъ положительно голодный. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, у меня родилась мысль, что если за то, что человѣкъ хочетъ защитить себя отъ напастей фабрикантовъ и старается пополнить свое образованіе собственнымъ чтеніемъ, его сажаютъ въ тюрьму, то ясно, что фабрикантъ покровительствуетъ кто-то свине, и что интересы промышленнаго класса не чужды правительству... Когда я пріѣхалъ изъ ссылки сюда въ Нижній и поступилъ работать на Сормовскій заводъ, здѣсь полиція стала являться подъ различными предлогами ко мнѣ на квартиру и высматривала, нѣтъ-ли чего подозрительнаго на моей квартирѣ. И достаточно было появленія на заводѣ или на улицѣ Сормова прокламацій, какъ полиція являлась съ обыскомъ ко мнѣ на квартиру. И хотя не находила ничего преступнаго, но это не мѣшало ей придти во второй и третій разъ и, можетъ быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли въ тюрьму. При обыскѣ у меня, находя научныя книги, спрашивали: „для чего вы имѣете у себя эти книги и тратите на нихъ деньги, не библиотека-ли у васъ такая?“... А развѣ рабочій не долженъ пополнить своего скуднаго образованія чтеніемъ книгъ? Развѣ рабочему не нужно образование? Развѣ ему не нужно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?... Работая на Сормовскомъ заводѣ, я видѣлъ, что крупная промышленная предпріятія эксплуатируютъ рабочаго еще больше, чѣмъ мелкія. Всѣякія притѣсненія со стороны администрации, взяточничества со стороны мастеровъ доходило до наглости. Помню одинъ случай съ подаркомъ. Мастеръ той мастерской, въ которой работалъ и я, ввелъ въ правило, чтобы рабочіе подносили ему подарокъ въ день ангела. Деньги собирали старшіе рабочіе. Когда же одинъ рабочій воспротивился этому, то мастеръ, придравшись къ нему, расчиталъ его съ завода, какъ бунтовщика, который подбиваетъ рабочихъ. Хотя эта исторія и дошла до фабричнаго инспектора, но все осталось по старому.

Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ

Сормовѣ будетъ демонстрація, то вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ напастей надъ личностью. И, чтобы обратить вниманіе правительства на рабочихъ, нужно выходящее изъ ряда вонъ событіе — рѣзкое и энергичное.

Речь столѣря Михайлова.

Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вместе съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія. Я, будучи еще 12-ти лѣтъ, былъ избитъ нагайками казаковъ. Въ то время я работалъ на винномъ заводѣ въ городѣ Вязьмѣ, и когда рабочіе стали просить съ хозяина прѣбавки жалованья, тотъ имъ отказалъ, а когда они прекратили работу, то хозяинъ обратился за полиціей къ правительству. Прислали сотни полторы дикихъ казаковъ, и прежде, чѣмъ приступить за дѣло, хозяинъ ихъ напоилъ водкою, и потомъ уже спустил на рабочихъ. На моихъ глазахъ одной дѣвчѣ вышибли глаза, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза и я упалъ въ обморокъ. Многихъ расчитали, а я и другіе немногіе остались, ожидая улучшенія, но ничего не было и я тоже ушелъ. Я пришелъ въ Нижній, чтобы и здѣсь найти, чѣмъ кормиться, но долго шатаясь безъ куска хлѣба и однажды утромъ взявъ у ночного сторожа жестяной чайникъ, который хотѣлъ продать и купить хлѣба, но сторожъ замѣтилъ, и меня забрали и отправили въ Колонію. Жить тамъ было плохо, съ воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики изъ за этого дѣлали у себя въ погребахъ и амбарахъ кражи, чтобы быть сытыми, и другіе, какъ истреба, бѣжали изъ колоній въ деревню и ломая замки, а за то ихъ арестовывали и они сидѣли въ тюрьмѣ. Воспитаніе тоже въ колоніи было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вотъ, чтобы набавиться отъ Колоніи и отдохнуть, воспитанники часто бѣжали изъ Колоніи, а другіе, чтобы попасть въ больницу, нарочно толкали стекло и имъ засыпали себѣ глаза, а другіе, какъ Мишуковъ, ошпаривали себѣ кипяткомъ ноги и руки. Часто за всякіе пустяки сажали въ карцеръ. Я сидѣлъ часто въ карцерѣ, всего 17 разъ, не меньше 7 дней и не больше 16. Одинъ мальчикъ изъ за плохого карьера хотѣлъ кончить съ собой черезъ пожаръ, но его удалось спасти. Передъ моимъ выходомъ былъ бунтъ изъ за того, что директоръ изъ экономіи не выдавалъ телодолжности. Наст хотѣла силой гнать на ужинъ и для этого прислали рабочихъ, которыхъ мы встрѣтили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы такъ провели ночь и полъ дня; къ вечеру наст стали осажать по приказанію директора камнями. Многимъ моимъ товарищамъ проломали головы, и когда мы совсѣмъ изнемогли, наст всѣхъ перевязали и отправляли, кого въ карцеръ, кого въ овины и въ баню. Въ овины привязали, стоя къ столбамъ, назадъ руки и такъ продержали цѣлыя сутки и не давали ѣсть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали подъ скамейкой и тоже продержали сутки голодными, а потомъ передали въ сушилку и продержали тамъ 16 дней, и все время давали лишь кусокъ небольшой хлѣба и стаканъ воды. Когда я вышелъ изъ карцера, директоръ меня наказалъ — безъ горячей пищи на двѣ недѣли. Я не захотѣлъ этого исполнить и меня опять посадили въ карцеръ на четыре дня, но скоро совсѣмъ меня выпустили изъ колоніи и почти полгода оставили на улицѣ осенью въ Нижнемъ и даже не дали мѣста, тогда какъ другіе ставили на мѣста и отдавали при выходѣ, но съ меня еще и свои заработанные деньги вычли за бунтъ. Я началъ работать, но и хозяинъ меня притѣснялъ и плохо платилъ жалованье и, кромѣ того, часто штрафовалъ. Однажды пришли изъ ремесленной управы чиновники и стали всѣмъ выдавать расцѣпныя книжки. Книжка стоитъ 1 р. 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что когда я былъ маленькій и ходилъ безъ куска хлѣба и мерзъ, меня никто не видѣлъ, но когда теперь я могу работать, ко мнѣ тинутъ руки кулеши и чиновники въ лицѣ правительства и начинаютъ обирать, но — это не обратили вниманіе и вычли больше, чѣмъ слѣдуетъ, — 4 р. Я сталъ думать, неужели же я создамъ для того, чтобы содержать людей, а самому вѣчно биться изъ-за куска хлѣба... И однажды нашелъ листокъ, и тамъ говорилось, что правительство собираетъ съ народа сотни миллионовъ съ табаку, синичекъ, скворца и вина, и эти деньги идутъ на армію и флотъ, никому не нужные, только для зашаты своихъ мундировъ. Я часто находилъ листки и все болѣе сталъ убѣждаться въ произволѣ правительства. Потомъ и съ самимъ быть случай: изъ деревни прислали бумагу, чтобы я заплатилъ подати, но я отказался, говоря, что отецъ мой не пахарь, а земля принадлежитъ пахарю, а я столѣрь, и мнѣ нуженъ верстакъ. Но вотъ, когда я поступилъ къ другому хозяину, хотя и небогату, но честному человеку, по донесенію шпioneвъ разъ ночью ворвались жандармы и полиція и, ничего не найдя, хозяина увели въ тюрьму, и я долженъ былъ содержать его семью, но жандармы мнѣ не вѣдали, потому что такъ пришлось бы скорѣе разориться и идти шляться, но я этого не сдѣлалъ, и хозяина черезъ полтора мѣсяца выпустили. Наконецъ, я понадобился и въ солдаты, и въ здѣсь я отошелъ кое-какъ отъ службы изъ-за маленькаго брата. Къ намъ часто въ мастерскую привозили мужички дѣсь и жаловались, что у нихъ описываютъ посылки самовары и даже у фефѣй приданое. Конечно, исчитываю самъ высоту горы, и оставался недоволенъ насилиемъ правительства и жалѣлъ случаи, что бы высказали свой протестъ. И вотъ передъ первымъ мая 1902 г. я нашелъ листокъ, гдѣ звали желающихъ на демонстрацію, и я пошелъ, но въ этотъ день ничего не было, а было 5 мая, и я взялъ красное знамя и пошелъ на назначенное мѣсто, но ничего не было. Я прошелъ на откосъ, гдѣ увидѣлъ грустную толпу людей и сталъ пѣть пѣсни, потомъ, когда окружила полиція, выкинуть красное знамя и крикнуть: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“

На вопросъ предсѣдателя палаты, кто ему далъ знамя, Михайловъ отвѣтилъ, что это его тайна, и онъ не желаетъ объяснять.